

2. Шмидт С. О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – 612 с.
3. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения / отв. ред. Л. Г. Бескровный. – М. Наука, 1980. – 312 с.
4. Соловьев С. М. Поццо ди Борго и Франция. Начало второй четверти XIX в. // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. – М. : Мысль, 2000. – Кн. XXIII. – С. 122–155.
5. Соловьев С. М. Парижский университет. Письмо из Праги от 23 июня 1843 года // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. – М. : Мысль, 2000. – Кн. XXIII. – С. 11–24.
6. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историка. – М. : Идея–Пресс, 2003. – 360 с.
7. Умбрашко К. Б. Истоки развития исторических знаний в России в первой половине XIX в. // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2. – С. 100–105.

УДК 1(470) (091) (092)

РУССКИЙ ФИЛОСОФ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ В ПОИСКАХ «МУЗЕЙНОЙ РЕЛИГИИ»

В. Н. Сорокин (Новосибирск)

Сочинения известного русского философа Николая Федорова, посвященные музеям, привлекли внимание широких кругов музеологов только в постсоветский период. Федоров рассматривал музей как последний остаток культа предков, изгоняемый из религии и восстанавливаемый в виде музеев. Философ сам работал библиотекарем в Румянцевском музее четверть века и был человеком, знавшим особенности музейной среды очень хорошо. Он был готов использовать музеи для формирования нового религиозного движения, подобно тому, как Рерих использовал живопись, а Толстой – литературу.

Ключевые слова: религиозное мировоззрение, «музейная религия».

RUSSIAN PHILOSOPHER NIKOLAY FYODOROV IN SEARCH FOR A MUSEUM RELIGION

V. N. Sorokin (Novosibirsk)

The writings of the well-known Russian philosopher Nikolay Fyodorov, addressing the issue of museums, have drawn attention of a wide circle of professional museologists only in the post-soviet period.

Fyodorov considered the museum to be the last leftover of the veneration of the dead, a particular sort of this cult, which, being expelled from religion (as in Protestantism), rehabilitates itself in the museum.

The philosopher himself had worked as a librarian in the library of the Rumyantsev Museum for a quarter of a century and was a person who knew the

Сорокин Владимир Николаевич – доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.

E-mail: imr-nsru@yandex.ru

peculiarities of the museum environment very well. He was ready to use museums for creation of a new religious movement, similar to the ways Roerich used painting and Leo Tolstoy, literature.

Key words: *religious outlook, museum religion.*

Сочинения известного русского философа Николая Федорова (1829–1903), посвященные, в частности, музейной теме, были впервые в советский период опубликованы в издательстве «Мысль» еще в 1983 г. Но тогда они были практически не замечены музейным сообществом.

Имя Николая Федорова (1829–1903) как одного из российских музееведов, теоретиков музейного дела было вновь «открыто» после многих лет забвения, и труды его стали известны в широких кругах музееведов страны уже в постсоветский период. В частности, в 1995 г. Музей революции наконец выпустил отдельный сборник статей работ философа, относящихся именно к музейному делу.

Именно в этот момент обострились противоречия между теми работниками музеев, которые настаивали на неизменности музейных традиций с позиций «теории музейного предмета» и модернизаторами музейной жизни, старавшимися превратить музеи в дискуссионные площадки-форумы в русле теории «музейной коммуникации».

Причем многие участники дискуссий, старавшиеся подкрепить свои позиции с помощью учения Н. Федорова, используя многократно повторяемые сравнения музея с храмом в его текстах, понимали это слово только как метафору, которая должна была подчеркивать особое место музея среди культурных институций, высоту нравственного идеала для музейных работников и необходимость бережного отношения к музеям со стороны общества.

Однако, если сегодня музейщики привычно ведут «родословную» музеев, начиная с античных «музейонов», то Н. Федоров видел ее еще более протяженной. «Музей есть последний остаток культа предков, он – особый вид этого культа, который, изгоняемый из религии (как это видим у протестантов), восстанавливается в виде музеев» [1, с. 317].

Н. Федоров писал вовсе не музееведческие статьи, не описывал «идеальный музей», философ провозглашал создание нового духовно-нравственного движения, новой религии, религии так называемого «общего дела». Если брать во внимание резкие различия новой религии и догматов христианства, не признающего своей основой культ предков, то понятно, почему его подвергали резкой критике даже сторонники обновления православия.

С одной стороны, появление на рубеже XIX–XX вв. таких инициатив, несомненно, должно рассматриваться как одно из указаний на кризис, в котором находилась тогда православная церковь, а с другой – как показатель кризиса самих музеев, в которых уже возникало «наукоторческое» настроение. Оно выражалось в том, что «научность» музея, то есть та основа, на которой он был создан в эпоху Просвещения, уже стала сдерживать участие музеев в важных социальных процессах.

Мы знаем, что требование «научности», системности музейных знаний досталось музею от эпохи Просвещения, считавшей основным сред-

ством усовершенствования человека дисциплину, в том числе дисциплину мышления. Французский философ М. Фуко, рассуждая о назначении дисциплины в своей знаменитой книге «Надзирать и наказывать», пишет, что организуя «кельи», «места» и «ранги», дисциплина создает комплексные пространства: одновременно архитектурные, функциональные и иерархические. Пространства, которые обеспечивают фиксированные положения и перемещение. Они вырисовывают индивидуальные сегменты и устанавливают операционные связи. Они отводят места и определяют ценности» [2, с. 216].

Далее Фуко характеризует охватившую научную Европу моду на создание разнообразных «таблиц», полагая, что это была «одна из огромных проблем научной, политической и экономической технологии XVIII века», направленной на то, чтобы создавать «рациональные классификации живых существ», причем получалось, что таблица была одновременно «и техникой власти, и процедурой познания» [2, с. 216].

Ученый, натуралист «ослеплен необъятностью, ошеломлен массой предметов» [2, с. 216]. Отсюда следует необходимость обрести систему, иерархию. Даже сегодня сохранилось название для различных направлений исследований, то есть проявлений необходимой «дисциплины ума» – «научные дисциплины» [2, с. 216].

Поэтому и деятельность музеев эпохи Просвещения направлена на то, чтобы разять целое, классифицировать, объяснить рационально способы соединения частей, проникнуть внутрь, препарировать. Как замечает искусствовед Б. Гройс, «Британский музей или парижский Лувр выставлял египетские мумии как трофеи Просвещения, как доказательство того, что более не существует ничего *сокрытого*» [3, с. 353].

Н. Федоров считал, что «музей в смысле древних (от коих мы и заимствовали это учреждение) есть собор ученых; его деятельность есть исследование. Но в этом определении и заключалось бессилие музея; этим определением он сам себе ставил преграды для распространения. Поэтому музей и в христианском мире остался языческим, он одинаково ограничил себя и по объему, и по содержанию, так как исследование стало отвлеченным, школьным и сам музей-собор остался замкнутою школою, сословием» [4, с. 32].

По его мнению, прогресс не улучшил ситуацию, при которой музей испытывает со стороны общества прежде всего презрение, откуда выражение: «сдать его в архив, в музей». Участь музея незавидна: «если сдача в архив, как только в хранилище, заслуживает презрения, а мертвое восстановление не удовлетворяет живых существ, то и оставаться в жизни такой, какова она есть, тоже не почетно: покой и смерть, вечный разлад и борьба – одинаковое зло; и лицемерие неизбежно, пока музей – только хранилище, только мертвое восстановление, а жизнь – только борьба» [4, с. 568].

Видимо, само по себе увеличение числа музеев в XIX в. не восхищало философа: «хранилище все расширяется, тем больше, чем энергичнее становится борьба, усиление которой столь же несомненно <...> Но прогресс есть именно производство мертвых вещей, сопровождаемое вытеснением живых людей; он может быть назван истинным, действительным адом, тогда как музей, если и есть рай, то еще только проективный, так как он

есть собрание под видом старых вещей (ветоши) душ отошедших, умерших. Но эти души открываются лишь для имеющих душу» [4, с. 574].

Федоров предсказывал будущее, когда «самый прогресс сделается когда-либо достоянием истории, а эта могила, музей, станет восстановлением жертв прогресса в ту пору, когда борьба заменится согласием, объединением в деле восстановления, в котором единственно и могут примириться партии прогрессистов и консерваторов, борющиеся от начала истории» [4, с. 575].

Так он подводил читателей к основе своего религиозно-философского учения – тезису о необходимости наступления в будущем, наконец, счастливого «братского состояния» людей.

Он ясно видел еще одно противоречие современного ему музея в том, что век, ценящий лишь полезное, собирает и хранит бесполезное с точки зрения «братского состояния». Отмечая, что «понять нельзя хранения в нынешнем, грубо утилитарном веке, как нельзя постигнуть и высокой непродажной ценности вещей негодных, вышедших из употребления. Сохраняя вещи вопреки своим эксплуататорским наклонностям, наш век, хотя и в противоречие с собой, еще служит неведомому Богу. Но сохранится ли это уважение к памятникам прошедшего при дальнейшем прогрессе, при увеличении искусственных потребностей, признаваемых необходимыми, при усиливающейся заботе только о настоящем?» [4, с. 576].

И здесь Н. Федоров подчеркивал особое место музея: «для музея самая смерть не конец, а только начало; подземное царство, что считалось адом, есть даже особое специальное ведомство музея» [4, с. 577]. Он был воодушевлен тем, что «для музея нет ничего безнадежного, «отпетого», то есть такого, что «оживить и воскресить невозможно, для него и мертвых носят с кладбищ, даже с доисторических; он не только поет и молится, как церковь, он еще и работает на всех страждущих, для всех умерших!» [4, с. 578].

Он писал о временах прошедших, «когда музей был храмом, то есть силою регулирующею, поддерживающею жизнь предко <...> тогда и память была не хранилищем только, а восстановлением, хотя и мнимым и только мысленным, конечно, но все же служившим действительною гарантиєю сохранения отечества, общего происхождения, братства». Это состояние, по его мнению, было разрушено, когда «разум отделяется от памяти об отцах» [4, с. 579].

Поэтому резко критическим было его отношение к современной ему науке с ее тенденцией читать себя «знанием для знания», а не для обязательной службы общему делу. Он приводил в положительный пример наукам обсерваторию, «для которой нет прошедшего, как нет его и для движения Солнечной системы, как нет его и для движения солнечной системы, которое есть не прошедшее, а продолжающееся явление, открываемое по изменению положения звезд» [4, с. 582].

Напротив, по причине «разъединенности города и села, человека и природы» естественно-исторический музей «останется вне естественного процесса природы, не будут разумом и самые воспоминания, хранимые музеем, не будут действительным, материальным воскрешением, как и воля не будет регулятором природы» [4, с. 583].

Достается и науке истории: «история, имея предметом вечные раздоры, выделилась в особую науку; но пока она будет повествовать о человеке как о раздорнике, пока будет смотреть на жизнь человеческого рода, как она ныне есть, только как на факт, не задаваясь вопросом, чем она должна быть, то есть проектом будущей жизни, до тех пор человечество не опознает в астрономии, в космическом искусстве или в мировой регуляции своего общего дела» [4, с. 585].

Показав недостаточность научного знания, философ напоминал о причине – забвении о необходимости движения ко всеобщему братству: «музей-собор будет наполняться, а собиранье делается всеобщим только тогда, когда самосознание будет не просто исследованием, а изучением причин разобщения ученых и неученых, причин, препятствующих всем сделаться членами музея, что конечно входит в вопрос о всеобщем родстве. Тогда и знание будет столь же неограниченно, как и всеобщее собиранье, то есть собор будет действительно вселенским, а знание в высшей стадии уничтожит, как сказано, разобщение миров восстановлением всех прошедших поколений» [4, с. 587].

Тезис это мы процитировали полностью, так как он очень любим теми, кто сводит воззрения Н. Федорова на музейное дело к рекомендациям улучшить то или иное направление музейной работы, не смущаясь явным присутствием теологическими терминами.

Казалось бы, это признание недостатков музея: «музей в настоящее время не собор даже и ученых», «музеи не составляют даже и одного музея», «коллекции чисто случайные», «все это собирается не по отдельному плану», «музеи суть явления случайные, неповсеместные», «рост каждого из них неправильный» и т. д. [4, с. 589–593].

И параллельно он констатировал, «до какой глубины проникло нынешнее разъединение, можно судить по тому, что даже слово Божие, которое есть сам мир, сама взаимосвязь, обратившись в богословие как особую науку (по той же причине, по которой образовалось особое духовное сословие), забыло истинную цель, распалось и образовало целую энциклопедию односторонностей (отвлеченностей), так называемых богословских наук» [4, с. 593].

Далее следовала четкая формулировка: «музей есть первая научно-художественная попытка собиранья или воспитания в единство, и потому эта попытка есть дело религиозное, священное» [4, с. 599]. Дав целую систематизацию небратских отношений между людьми, Федоров призывает вместо бесполезного растрачивания сил, он снова формулирует цель нового религиозного движения: «дать священное направление мысли человеческой и ставить себе целью собиранье всех людей в общий отеческий дом, в музей, в дом Отца небесного, Бога всех земных отцов, в дом, который, будучи музеем, есть в то же время и храм» [4, с. 603].

Получается, что Н. Федоров подробно излагал причины предпосылки и порядок превращения музеев в храмы новой провозглашаемой им религии «общего дела», превращения их в законченные сакральные центры. Известная статья Н. Федорова «Музей, его смысл и назначение», наиболее полно трактующая понимание им сущности музея, должна, по нашему мнению, рассматриваться не только как «музееведческая».

Подобно тому как для создания новой религии Л. Толстой использовал то, чем лучше всего владел, а именно – литературу, Н. Рерих – живопись, Н. Федоров хотел использовать то, что знал лучше всего, – музеи. Сам он не только много лет проработал в музеях и библиотеках, знал каждую книгу, но и очень хорошо знал музейную среду. Его взгляды привлекли внимание музейщиков именно потому, что неосознаваемую религиозность многих работников музеев, сохранившуюся до сих пор, он предлагал сделать открытой, очевидной, сознательной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Федоров Н. Ф.** Из философского наследия / авт.-сост. : О. А. Аксеничев и др. ; отв. ред. Т. Г. Шумная // Музейное дело : сб. – М., 1995. – Вып. 23. – 560 с.
2. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М. : Ad marginem, 1999. – 460 с.
3. **Гройс Б.** Утопия и обмен. – М. : ЗНАК, 1997. – 374 с.
4. **Федоров Н.** Сочинения / общ. ред. А. В. Гулыга ; вступ. ст., примеч. и сост. С. Г. Семенов. – М. : Мысль, 1982. – 650 с.

УДК 930+94(4+7)+327(1-87)

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

М. Е. Давыдов (Новосибирск)

В данной статье раскрываются культурологические основы «холодной войны», изучаемые в западной и отечественной историографии. Рассматривается формирование новых подходов к генезису «холодной войны», изучающих проблему с точки зрения ментальной истории. Выявляются основные закономерности данного процесса, характерные для современной западной и отечественной историографии.

Ключевые слова: «холодная война», конфронтация, антикоммунизм, империализм, биполярность.

THE PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE «COLD WAR» HISTORIOGRAPHY

M. E. Davidov (Novosibirsk)

In the article there are revealed the cultural foundations of the Cold War, studied in the western and national historiography. The author considers the formation of new approaches to the origins of the Cold War, which study the problem in the perspective of the mental history. There are identified the

Давыдов Максим Евгеньевич – аспирант кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.
E-mail: david-82@mail.ru